

ВНУТРИКЛЕТОЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗАПАДА

Жизнь граждан западных (как и других) стран разделяется на две части — на внутриклеточную и внеклеточную. О внеклеточной жизни написаны бесчисленные книги и сделаны бесчисленные фильмы. Описания же внутриклеточной жизни не идут с этим ни в какое сравнение. Специалисты на нее обращают мало внимания, а в художественной литературе и в фильмах ее касаются как бы мимоходом, как бы между прочим, как само собой разумеющегося и общеизвестного. И все же тех скурых и мимолетных сведений о внутриклеточной жизни Запада, которые можно почерпнуть из газет, книг и фильмов, вполне достаточно, чтобы составить о ней вполне определенное представление. Авторы книг и статей и создатели фильмов, может быть, сами не ведая того, так или иначе обнажали суть этой жизни. Когда я просил моих многочисленных знакомых и случайных собеседников рассказать мне о том, как протекает их внутриклеточная жизнь, они обычно пожимали плечами. Им просто нечего было говорить. Западное общество с этой точки зрения является прямой противоположностью обществу коммунистическому, в котором

внутриклеточная жизнь является основной частью жизни граждан.

В западном обществе имеются клеточки как деловые, так и коммунальные. Тон жизни задают первые. Причем с точки зрения внутренней жизни вторые мало чем отличаются от первых. Тот факт, что члены коммунальных клеточек в качестве государственных служащих получают гарантированную зарплату до выхода на пенсию, которая им тоже гарантирована, сказывается на их деятельности так, что они становятся похожими на чиновников общества коммунистического. В остальном же члены клеточек такого рода ведут себя аналогично большинству прочих граждан. И в деловых клеточках можно обнаружить оба аспекта — деловой и коммунальный. Но второй развит в них настолько слабо, что его можно не принимать во внимание при рассмотрении характерной клеточки западнизма. Он тут вынесен вовне. И если он ощущается, то как внешнее, а не как внутреннее для клеточки явление.

Характерная клеточка западнизма не определена решениями властей «сверху», так же как и ее поведение в окружающем мире. Имеется общее законодательство. Но в рамках его клеточка свободна в своей деятельности.

Общество в целом организовано по иным принципам, чем клеточки западнизма. Огромное число (если не большинство) клеточек вообще не имеет внутренней социальной структуры. О последней можно говорить лишь в отношении сравнительно больших клеточек. Клеточка западнизма является социально упрощенной сравнительно с коммунистической. Она, можно сказать, имеет тенденцию к минимизации социальной структуры. В идеале тут нет никаких лиц, групп и организаций, ненужных с точки зрения интересов дела. Никакая партийная, профсоюзная, молодежная или какая-то иная организация не является здесь элементом социальной структуры множества людей, занятых в клеточке. Сотрудники клеточки могут быть членами такого рода организаций, групп и движений, но не в рамках клеточки, а вне ее и независимо от нее. Этот аспект их жизни не влияет на функционирование их в рамках клеточки и клеточки в целом. Партии, профсоюзы и другие общественные группы и движения оказывают давление на хозяев клеточек и их администрацию, но это — внеклеточное, а не внутриклеточное отношение.

Клеточка западнизма не есть коллектив в том смысле, в ка-

ком коллективом является клеточка коммунистическая. Здесь люди работают — и все. Социальная и интимная жизнь западного общества происходит вне деловых клеточек, а не в них. Внутри их люди выполняют свои деловые обязанности, продвигаются по службе или повышают квалификацию. У них могут быть свои взаимные симпатии и антипатии. Могут устанавливаться какие-то неделовые отношения, например, любовные или криминальные. Но все это не становится общепризнанной нормой и важным фактором их официальной жизни. Тут не устанавливаются более или менее длительные и тесные отношения между сотрудниками.

В деловых клеточках западнизма нет никакой внутриклеточной демократии. Внутри клеточек царит трудовая дисциплина, можно сказать, деловая диктатура. Западное общество, будучи демократическим в целом, то есть политически, является диктаторским социально, то есть в деловых клеточках. Демократия, права человека, гражданские свободы и прочие атрибуты свободного общества нужны Западу как внешняя компенсация за отсутствие их в деловой жизни.

Фундаментальные принципы работы западных клеточек противоположны принципам клеточек коммунистических. Принцип западной клеточки — делать дело как можно лучше, добиваться максимального результата с минимальными затратами. Принцип коммунистической клеточки — делать дело так, чтобы формально выглядело так, будто оно делается хорошо, чтобы вышестоящие органы власти и управления были довольны. Принцип западной клеточки — максимально использовать силы сотрудников, исключить праздное времяпрепровождение во время работы, исключить использование сотрудниками рабочего времени и средств клеточки для личных целей, не имеющих отношения к целям клеточки. Принцип коммунистической клеточки — свести трудовые усилия к минимуму, использовать рабочее время и средства клеточки в своих личных целях. Принцип западной клеточки — свести к минимуму число сотрудников. Принцип коммунистической клеточки — дать занятие как можно большему числу людей.

В западной клеточке оценка сотрудников производится главным образом (если не исключительно) по их деловым качествам. В оценку сотрудников коммунистической клеточки включаются многочисленные неделовые качества (партийность, обществен-

ная работа, активность, моральные качества, связи), зачастую отесняющие на задний план качества деловые. В западной клеточке преимущества имеет тот, кто лучше приспособлен к деловому аспекту, в коммунистической — тот, кто лучше приспособлен к коммунальному аспекту. В коммунистической клеточке сотрудникам предоставляются дополнительные блага помимо зарплаты за работу (премии, путевки в санатории, жилье), чего нет совсем или что имеется в слабой форме в клеточке западной.

В гротескной форме различие западной и коммунистической клеточек можно показать на таком примере. Сравним два ресторана примерно одной производительной мощности (по числу обслуживаемых посетителей). В западном ресторане персонал сотрудников во много раз меньше по числу, порой в десять раз, чем в советском. Качество обслуживания в советском ресторане не идет ни в какое сравнение с западным. Большинство сотрудников советского ресторана бездельничают, тогда как в западном работают так, как советским людям и не снилось. В советском ресторане больше половины сотрудников занимаются делом управления и канцелярщиной, в западном эти функции ресторана сведены к минимуму. Работники западного ресторана имеют средства существования от дохода, какой приносит их труд по обслуживанию посетителей. Работники советского ресторана имеют мизерную зарплату, зато много имеют от левых (нелегальных) махинаций, от обмана клиентов, от чаевых. Они не заинтересованы в улучшении работы ресторана в западном смысле, им лично живется лучше, если вообще вся деятельность ресторана будет направлена на «теневой» аспект, то есть станет преступной.

Теперь становится обычным приписывать все достоинства западного общества, включая высокую производительность труда и эффективность экономики, капитализму. Однако это идеологическое преувеличение роли лишь одного из аспектов западнизма. Независимо от денежно-капиталистической формы западнестского хозяйства, последнее подвластно законам, вынуждающим занятых в клеточках людей работать лучше, чем в любой другой системе. Эти законы обуславливают такие принципы деловых клеточек: 1) рациональная организация дела; 2) жесткая трудовая дисциплина; 3) максимальное использование средств производства и рабочей силы. Западное общество является недемократичным («тоталитарным») в самой своей основе — на клеточном уровне. И именно поэтому оно демократично в

целом, в его надклеточной жизни. Тут действует своего рода закон постоянства суммы демократизма и тоталитаризма.

Но западная клеточка, как и коммунистическая, не есть воплощение одних лишь добродетелей. Как говорится, наши недостатки суть продолжение наших достоинств. Если понимать под степенью эксплуатации отношение величины усилий человека при выполнении дела к величине вознаграждения за это, то степень эксплуатации западного общества выше, чем коммунистического. Западные работающие люди имеют больше материальных благ, чем люди коммунистических стран, но они для этого и трудятся больше. Люди коммунистических стран имеют меньше, чем западные, но они тратят сил на это много меньше. Условия труда у них в принципе легче. Плюс к тому — проблема поисков работы, а также проблема найма и увольнения. До кризиса, начавшегося в 1985 году в Советском Союзе вследствие «перестройки», имела место стопроцентная занятость. Найти работу не было проблемой. Более того, лиц, уклонявшихся от постоянной работы, считали преступниками. Для западных людей иметь работу в большинстве случаев является главной проблемой жизни. Местом работы дорожат. Нет уверенности в том, что оно надолго. Трудность найти работу и страх ее потери являются могучим средством поддержания дисциплины труда и интенсивности его. С этой точки зрения коммунистическое общество в его нормальном состоянии, какое в Советском Союзе имело место в хрущевские и брежневские годы, есть рай земной в сравнении с западным. Советские люди еще не осознали того, что с попыткой пойти по пути Запада они потеряли больше, чем приобрели.

Характерная клеточка западного общества, превосходно выполняя свои функции, является совершенно пустой и обездушенной с точки зрения социальной жизни внутри ее. Если тут и происходит нечто подобное, это растянуто во времени, загнано вглубь и всячески скрывается. Это деловой механизм, а не объединение людей со всеми их достоинствами и недостатками. Если о ней нельзя сказать, что она бесчеловечна, то нельзя сказать и того, что она человечна. В ней человеческие чувства сведены к внешнему притворству, формальны, искусственно преувеличены, заучены, неглубоки и непродолжительны. Сопереживание не превращается в нечто принципиально важное и не порождает глубокие драмы. В ней человек свободен от такой власти коллектива, как в коммунистическом обществе. Но он из-за этого лишен

такой заботы и защиты со стороны коллектива, какая имеет место в коммунистическом коллективе. Для западной деловой жизни человек важен лишь как существо, исполняющее определенную деловую функцию. Западный человек оболванивается идеологически и как-то ограничен политически, но делает это не деловая клеточка. Последняя проявляет в этом отношении интерес к своим сотрудникам, если в стране возникает какая-то общая кампания, но не по своей инициативе. Например, это имело место в США в пятидесятые годы, когда там свирепствовала антикоммунистическая кампания («маккартизм»). Но такое случается в порядке исключения.

Короче говоря, если деловая клеточка коммунизма пронизана и опутана отношениями коммунальности, то в деловой клеточке западнизма эти отношения ослаблены или исключены совсем. Если деловая клеточка западнизма пронизана и опутана правилами наилучшего исполнения деловых функций, то в деловой клеточке коммунизма эти функции ослаблены или превращены в чистую формальность. Тут лежит одна из самых глубоких причин того, что коммунистическое общество есть общество внутренне сложных, но плохо работающих бездельников, паразитов и имитаторов деятельности, западное общество есть бездушный, хорошо работающий механизм, состоящий из внутренне упрощенных, но хорошо работающих полуроботов.

Существует довольно обширная литература о формальной организации деловой жизни западных клеточек, но исключительно редко попадаются описания того, что происходит в них на уровне человеческих отношений. Сведения об этом можно получить лишь косвенным путем из литературных произведений, фильмов и газетных статей, причем, как правило, в крайних криминальных проявлениях. Конечно, западные клеточки уступают коммунистическим в этом отношении, тем не менее в них можно видеть многое такое, что является обычным делом в обществе коммунистическом. Законы коммунальности и здесь дают о себе знать. Во всяком случае, читая книги и смотря фильмы, в которых как-то затрагивалась внутриклеточная жизнь западного общества, я узнавал феномены, хорошо знакомые мне по жизни в России, но с одним коррективом: в западных клеточках эти феномены проявляются в более жестокой форме, а индивид меньше защищен от социально более сильных коллег.

У меня не было иллюзий насчет внутриклеточных отноше-

ний на Западе. И все же то, что мне довелось узнать из официальных источников в Германии, меня потрясло. По исследованиям социологов и психологов, более миллиона наемных работников в Германии является жертвами систематического психологического террора со стороны коллег. Многие исследователи условий труда считают центральной проблемой девяностых годов преследование группой сотрудников своих «слабых» коллег. Рабочее место для огромного числа людей превращается в ад. Интриги, оскорбления, шантаж, угрозы, принуждение к сексу и т. п. являются обычными явлениями. На рабочих местах идет ежедневная война такого рода. В коммунистических коллективах против этого была хоть какая-то защита (партийная и комсомольская организация, общие собрания, дирекция, стенная газета и т. п.), в западных же ее почти нет. Клеточка коммунистического общества более человечна.